

Д. А. Ананьев
Западная историография XX века:
основные концепции и теоретические
подходы к изучению сибирской колонизации
конца XVI – XIX века

В мире все чаще ведутся дискуссии об «энергетической безопасности» государств, более справедливом распределении энергоресурсов, о роли тех или иных регионов, богатых природными ресурсами, в мировой экономике и об их влиянии на мировую политику. Сибирь в этих спорах занимает одно из центральных мест, а изучение ее истории позволяет понять, насколько прочно присутствие России в регионе, чем оно обусловлено и каковы его перспективы. Данная проблематика всегда находилась в центре внимания как отечественных, так и западных исследователей, демонстрировавших различные подходы к ее изучению.

Выявление этих подходов и концепций – одна из наиболее сложных и фундаментальных задач, связанных с историографией европейской колонизации. Простого решения эта задача не имеет, но можно выявить две основных идеи или системы взглядов, которые были разработаны и разделялись большинством историков. Первая группа исследователей делала упор на «европеизацию» колоний, подразумеваемая под этим простое воспроизведение, копирование традиционного образа жизни, перенесенного в колонии из метрополий. Другая группа историков сосредоточила свое внимание на уникальных особенностях колонизируемых территорий, которые способствовали трансформации прежнего образа жизни и создали новую географическую, экономическую и культурную среду. Первый подход использовался преимущественно отечественными авторами, изучавшими историю освоения Сибири, а также их западными коллегами, писавшими о «русской восточной экс-

Ананьев Денис Анатольевич, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН. E-mail: den_an@ngs.ru

© Д. А. Ананьев, 2008

пансии» в Северной Азии. Второй подход часто ассоциируется с теорией «фронта», которая была предложена американским историком Ф. Тернером и в основном применялась к истории колонизации Северной Америки.

Необходимо учитывать, что историки отдают предпочтение тем фактам и выводам, характеризующим колониальное управление, которые соответствуют их общей концепции колонизации. В одной из статей американский историк Б. Дмитришин перечисляет термины, в которых историки описывали территориальную экспансию России в Северной Азии. Одни исследователи называли колонизацию Сибири «цивилизационной и христианизирующей мерой»; другие – «сбором русских земель»; третьи – «выходом к морю». Многие воспринимали это как империализм в чистом виде – сходный с испанским, португальским, французским, английским и голландским. Советские историки характеризовали это либо как «сближение русских и нерусских народов Северной Азии», либо как «сложный процесс присоединения и освоения»¹. Хотя ни одно из определений нельзя считать исчерпывающим, очевидно, что все они подчеркивают ключевую роль, которую в освоении Сибири играло Российское государство.

Первый историк сибирской колонизации Г. Ф. Миллер был также автором идеи о решающей роли государства в завоевании и заселении Сибири. В XIX в. данный вывод поддерживали российские историки – представители так называемой «государственной школы». В своих работах они рассматривали историю России как историю непрерывной колонизации, а проникновение в Сибирь как часть этого процесса. В то же время они, безусловно, считали Россию частью европейской цивилизации, соответственно использование термина «европеизация» было вполне оправданным. При тех или иных обстоятельствах во главе этого процесса могли быть разные силы – народ, правительство или церковь, которые определяли исторические «формы»

¹ *Dmytryshyn B. Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / Ed. by A. Wood. L., N. Y.: Routledge, 1991. P. 17.*

колонизации. Как следствие, масштабное освоение Сибири, начавшееся с конца XVI в., было экстенсивным и спонтанным, при этом вначале доминирующей силой были народные массы, затем – правительство¹. В советский период исследователи, применявшие марксистский формационный подход, по сути, не вышли за пределы «колониационной» теории, изменяя лишь оценки последствий колонизации. В 1920–1930-е гг. советские историки в основном писали о негативных сторонах колониальной политики царизма; впоследствии – о преимущественно положительных аспектах освоения русскими Сибири².

Впрочем, западные исследователи не ставили знак равенства между Россией и Европой и предпочитали говорить о «русификации» колоний – так возникла концепция «русской восточной экспансии». Ее авторы, для которых эта тема имела актуальное политическое звучание, также полагали, что государство играло наиболее значительную роль в колонизации Сибири и Дальнего Востока. Как писал британский историк А. Краузе, «чем больше я всматриваюсь в государственное управление России, тем сильнее восхищаюсь им, как примером несокрушимого триумфа разума над простой разумностью»³. Современный историк А. Вуд поддержал эту мысль, называя «московитскую экспансию» территориальным и колониальным дополнением к укреплению политической власти в российском авторитарном государстве, что выразилось в династическом усилении царской власти; упрочении авторитарного абсолютизма; усилении позиций дворянства; утверждении цезарепапистского принципа; милитаризации и окончательном оформлении крепостного права⁴.

¹ *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией (The Historical Geography of Russia in regard to colonization). М., 2000; *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.* М., 1996. С. 40–46.

² *Dmytryshyn B.* Op. cit. P. 26.

³ *Krausse A.* The Far East. Its History and Its Question. L.: Grant Richards, 1899. P. VI.

⁴ *Wood A.* Introduction to: The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution Ed. by A. Wood. L., N. Y.: Routledge, 1991. P. 4.

Изучение англо- и германоязычной историографии Сибири позволяет выделить XX в. как важный и самостоятельный период, отмеченный качественными изменениями в развитии западного сибиреведения. Выход на новый уровень научных исследований, посвященных сибирской проблематике, стал возможен благодаря расширению источниковой базы, освоению достижений русского сибиреведения – задач, поставленных в начале XX в. самой логикой развития исторической науки. Институциональным выражением данного процесса стало создание специализированных организационных структур, занимавшихся изучением истории России и обеспечивавших развитие международных связей исследователей. Наиболее значительную роль в XX в. играли Школа славянских и восточно-европейских исследований при Лондонском университете, Немецкое общество по изучению Восточной Европы, Семинар по Северо-Восточной Азии в Калифорнийском университете, Семинар сибирских исследований британских университетов и др.

В целом изучение англо- и германоязычной историографии Сибири позволяет выделить три основных этапа в развитии западного сибиреведения в XX в. Первый этап охватывает временной отрезок с начала XX в. до 1930-х гг., когда произошел переход от описательной литературы к профессиональным историческим исследованиям. Ведущей фигурой в западном сибиреведении на данном этапе стал американский историк Ф. Голдер, в деятельности которого переплетались противоположные тенденции. С одной стороны, Ф. Голдер первым в западной историографии осветил многие вопросы истории Сибири, собрал и обработал обширный архивный материал. С другой стороны, его подход к анализу источников был избирательным, что отмечалось даже западными историографами. В итоге выводы, сделанные им, вполне соответствовали господствовавшим в западном обществе представлениям об имперских, колонизаторских устремлениях России в Азии и Тихоокеанском регионе.

Содержанием следующего этапа, охватывавшего 1930–1970-е гг., стала деятельность представителей

Калифорнийской школы – историков, работавших в Калифорнийском университете, а также их последователей. Влияние этой школы испытали многие историки, изучавшие отдельные проблемы и аспекты сибирской колонизации (М. Раев, Д. Тредгольд, Т. Армстронг, С. Томпкинс, Ю. Семенов).

Итогом двух первых этапов развития западного сибиреведения стало оформление основных историографических направлений, двух подходов к изучению «русской восточной экспансии», которые были связаны с именами Ф. Голдера и Р. Кернера и сохраняли свое влияние в течение всего XX в. Главное различие этих подходов заключалось в той роли, которую исследователи отводили политическому фактору, – роли правительства в процессе колонизации, содержанию правительственной политики, ее основных целей. В отличие от Ф. Голдера, писавшего о ведущей роли государства на всех этапах и направлениях сибирской колонизации, последователи Р. Кернера стремились пересмотреть устаревшие концепции и наряду с политическими выявить социально-экономические факторы сибирской колонизации. И все же оба направления существовали в рамках общего теоретического подхода к изучению колонизации как феномена, связанного с переносом структур метрополии на новые территории, копированием ее традиционных отношений.

Однако с конца XIX в. в западной исторической науке применялся и другой подход, связанный с теорией «фронта» и позволяющий объяснить разнообразие уникальных черт, присущих колониальному обществу и его политическим институтам. «Отцом» теории «фронта» был американский историк Ф. Дж. Тернер, который отметил, что «в основе институтов, в основе конституционных форм и трансформаций лежат силы, которые вызвали эти формы к жизни и преобразовали их в соответствии с меняющимися условиями». По мнению Тернера, люди, жившие в условиях «фронта», становились все более и более независимыми, и в то же время «фронт» способствовал возникновению «смешанной национальности». Историк пришел к выводу, что наиболее значитель-

ное воздействие «фронтир» оказал на развитие демократии в США и в Европе, поскольку способствовал развитию индивидуализма – «неприятно контролю, и, в частности, любых форм прямого контроля», когда сборщик налогов рассматривается как «представитель угнетателей»¹.

Ф. Дж. Тернер также задался вопросом, имеет ли его теория ограниченное применение или может быть проведена на материале иной «колониальной среды», с другими политическими и экономическими условиями². Ряд западных исследователей пытался использовать его теорию в своих работах по истории сибирской колонизации. Б. Самнер, Д. Тредгольд, Р. Пирс признали, что в некоторой степени феномен «фронтира» имел место и в Сибири³. Путешественники, чиновники, политические ссыльные отмечали, что сибирские крестьяне отличались от крестьянского населения Европейской России в первую очередь тем, что они меньше полагались на начальство. Протестантская идеология, принесенная в Северную Америку, в определенной мере соответствовала идеологии старообрядцев, поселившихся в Сибири. В Северной Азии также возникла «смешанная национальность», поскольку русские смешались с аборигенным населением, а также переселенцами, прибывшими из других уголков Российской империи.

Сибирь также играла роль «предохранительного клапана», привлекая все новых поселенцев и уменьшая тем самым социальное напряжение в центральных районах Европейской России. Дж. А. Харрисон писал: «Сибирская лихорадка надежды и приобретения овладевала всеми со-

¹ *Frederick J., Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. Report of the American Historical Association for 1893. P. 199–227.*

² *The Significance of Sections in American History. N. Y.: Henry Holt and Co., 1932. P. 19.*

³ *Treadgold D. W., Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26. No. 4. P. 147–152; Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal; L.: McGill-Queen's Press, 1973; Sumner B.H., A Short History of Russia. N. Y.: Harcourt, Brace, 1949.*

циальными группами, захваченными ужасами гражданской войны в Европейской России. Крестьяне хотели уйти от мертвой хватки новоявленного крепостного права». Но сибирский фронт имел свои особенности – в первую очередь, с точки зрения системы управления. Определяя служилое дворянство как «главную опору системы управления Сибирью», Дж. А. Харрисон подчеркнул, что «подобно молодым людям, служившим в Ост-индской компании, они старались по возможности разбогатеть, но в отличие от чиновников и военных, служивших в этой компании, они были вынуждены жить за счет тех самых общин, которыми они управляли и которые защищали. Кроме того, в отличие от служащих Ост-индской компании, они не находились посреди сокровищницы, которая хранила богатства, накопленные тысячелетней цивилизацией»¹.

Х. Р. Хутгенбах также полагал, что восточный фронт, суливший возможность социальной мобильности и безопасность, привлекал многих представителей низшего слоя служилого класса – служилых людей, которые «признавали возможность карьерного роста и остались там, где им предоставлялись возможности повышения собственного статуса и продвижения по службе, в отличие от более "замороженных" социальных условий, преобладающих в Московии, с ее нарастающим консерватизмом»². Впрочем, с этой точкой зрения согласны не все. Так, К. Уайт отнюдь не считала, что в Азиатской России социальные условия были менее «замороженными». В то время как в Америке «фронт» осваивался свободными поселенцами, в Сибири процесс колонизации был под постоянным контролем со стороны центрального правительства³.

¹ *Harrison J. A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, Florida: University of Miami Press, 1971. P. 63.*

² *Huttenbach H. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrachan, 1552–1556. The Conquest of the Volga: Prelude of to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. by M. Rywkin. L., N. Y.: Mansell Publishing Ltd., 1988. P. 60.*

³ *White C. Russia and America: the Roots of Economic Divergence. L.: Groom Helm, 1987. P. 24.*

Немецкий историк швейцарского происхождения А. Каппелер признавал наличие общих черт в русской колонизации Сибири и западноевропейской колонизации Северной Америки (в обоих случаях имели место жестокость в отношении коренных этносов и хищническая эксплуатация природных ресурсов), но считал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношения русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтнической страной¹.

Своеобразное сочетание теории «фронтира», концепции «географического детерминизма» и вновь реанимированной на Западе концепции «хартленда» продемонстрировал американский историк Дж. Леданн, выяснявший сущность внешней политики России. Опираясь на концепцию английского историка начала XX в. Х. Макиндера о некоей «стержневой территории», включающей в себя континентальные и арктические водные системы как основы будущей евразийской империи, Дж. Леданн, рассматривает историю русской экспансии на фоне медленных, но необратимых изменений в балансе сил, существующем в пределах этой «стержневой территории».

Третий этап в развитии западного сибиреведения начался в 1980-х гг. Основанием для его выделения служат внешние критерии – появление новых специализированных организационных структур, нацеленных на изучение сибирской истории, развитие международных связей историков, расширение проблематики их работ. Принципиально новых теоретических подходов к изучению истории колонизации предложено не было, но данный период был отмечен попытками осмысления накопленного историографического опыта, что позволило охарактеризовать основные концепции западных исследователей, изучавших различные проблемы сибирской истории. Наибольший интерес западных исследователей вызывала история присоединения Сибири на рубеже XVI–XVII вв., проблемы

¹ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 7, 35.

взаимоотношений пришлого и коренного населения, история хозяйственного освоения и управления Сибирью, а также проникновение русских в Тихоокеанский регион и Северную Америку.

Большинство зарубежных историков, разделявших историческую ответственность за присоединение Сибири между государством и купцами Строгановыми, придерживались концепции о сочетании военных акций и мирных методов освоения в ходе проникновения русских за Урал – т. е. мнения, высказанного в 1930-х гг. Р. Кернером. В этой группе исследователей – Р. Кернер, Р. Фишер, Дж. Лацев, Е. Саркисянц, Г. Хуттенбах, Дж. Харрисон, Дж. Мирски, Дж. Гибсон, П. Пэрдью, Дж. Стюарт, Т. Армстронг, Ю. Семенов, А. Каппелер. Значительно меньшее число историков придерживалось вывода о военном характере процесса присоединения Сибири, хотя концепция завоевания существовала на всех этапах развития зарубежного сибиреведения (ранее – под влиянием Г. Ф. Миллера, в XX в. – под влиянием Ф. Голдера, в работах О. Руденко, Дж. Мартин, У. Б. Линкольна и др.).

Однако, по мнению большинства исследователей, преимущественно мирный характер колонизации не означал, что ее последствия не наносили вред коренному населению, которое подвергалось торговой эксплуатации, административному произволу, насильственной христианизации. Кроме того, в результате хозяйственной деятельности пришлого населения разрушалась традиционная среда обитания сибирских аборигенов. На это указывали Ф. Голдер, К. Греппер, Дж. Форсис, Ю. Слезкин, Д. Коллинз, В. Конноли, В. Коларц. Сравнительно небольшое число исследователей писало о преимущественно мирном и взаимовыгодном сосуществовании коренного и пришлого населения Сибири (Дж. Ланцев, Р. Фишер, Т. Армстронг, С. и Э. Данн, Дж. Гибсон). В целом, исследователи старались избегать односторонних оценок и рассматривали присоединение Сибири как сложный, многофакторный процесс.

В спорах историков камнем преткновения стал вопрос о роли правительства в освоении Сибири, о последовательности правительственной политики в отношении

восточных колоний. В ходе дискуссии пытались определить сущность территориальной экспансии России, объяснить причины устойчивости ее позиций в Сибири и на Дальнем Востоке. Попытку преодоления противоречий в оценках деятельности сибирской администрации предприняли Р. Кернер и Дж. Ланцев, противопоставившие политику центральных и местных властей и относившие все негативные аспекты колонизации на счет последних. Несмотря на то, что историки не предложили достаточных доказательств, их позицию разделяли многие исследователи (М. Раев, Ю. Семенов, Т. Армстронг).

Вопросам хозяйственного освоения Сибири (развитию торговли, сельского хозяйства, проблемам создания продовольственной базы колоний) были посвящены работы Р. Кернера, Р. Фишера, К. Уайт, Дж. Гибсона и др. В целом, история хозяйственного освоения Сибири слабо изучена по ряду субъективных и объективных причин. С одной стороны, традиционный для западной историографии тезис о добыче и торговле пушниной как главным двигателе сибирской колонизации не подвергался сомнению большинством зарубежных историков, а следовательно, не было оснований для более глубокого изучения других аспектов хозяйственного освоения Сибири. С другой стороны, круг исследовательских интересов был обусловлен характером доступных источников, ограниченностью источниковой базы.

Большое внимание западные историки уделили проблемам русской колонизации Дальнего Востока и Тихоокеанского региона. Общим для подавляющего большинства исследователей было представление о взаимообусловленности процессов колонизации Дальнего Востока и Северной Америки, сходстве методов этой колонизации. Преобладающей стала концепция о сочетании торговых и политических интересов России в регионе. Об этом говорится в работах представителей Калифорнийской школы – Р. Пирса, Дж. Гибсона, Дж. Харрисона, А. Каппелера, Г. Баррэта и др.

В зависимости от понимания общего процесса так называемой «восточной экспансии» историки рассматривали проблемы, связанные с историей Русской Америки.

Большинство исследователей полагало, что главной причиной проникновения сюда русских, а впоследствии – отказа от американских владений, стал поиск источников пушнины и продовольствия (Р. Кернер, Э. Эсиг, А. Огден, Дж. Гибсон, С. Томпкинс, Ю. Семенов). С возвращением Приамурья содержание американских колоний стало обременительным и экономически не оправданным.

Большое разнообразие подходов и концепций сибирской истории, предложенных англо- и германоязычными авторами во второй половине XX в., делало актуальной задачу написания обобщающего труда, дающего целостную картину истории русской колонизации Северной Азии и Тихоокеанского региона. В свою очередь это требует обобщения опыта, накопленного англо- и германоязычной историографией. С полным основанием можно утверждать, что пути решения этой задачи в достаточной мере были обозначены всем ходом развития западного сибиреведения в XX в. Изучение опыта, накопленного западным сибиреведением, позволит дать более точную оценку значения сибирской колонизации в истории России и более объективно судить о месте, которое занимает Сибирский регион в системе современных политических и экономических отношений.